

А лето по-прежнему пахнет цветами...

Зоя Дякина

На улицах всех городов,
Вдоль каждой из улиц,
Деревья стоят в карауле –
Зеленый кордон.

А если осенней порой
Рассветы поманят –
Проложены в бледном тумане
Окопы дорог.

Закрой свою дверь и бреди
Сиреновой ночью.
И парочки, и одиночки
Идут впереди.

Но ты не иди на обгон,
С листвою прощайся –
Как будто бы лето с вещами
Садится в вагон.

После ста сотен шагов
Парокожного марша
Деревья ветвями помашут:
Мол, ждем через год.

... А лето по-прежнему пахнет цветами,
Зеленой травой и прозрачной росой;
И небо вечернее ясно, хрустально
И слишком похоже на радостный сон;

И двор, точно тайной, пропах
кардамоном,
И яблочный сок на губах – точно дар,
А лето звеняще, а лето лимонно,
Хотя истекает его календарь;

И межсезонья – как будто кордоны,
Что нынче – на редкость – тихи и пусты,
А лето все так же лежит на ладнях,
Хоть осень уже поджигает мосты.

за сумерки будут лиловые,
И подъезд снова будет звенящ,
Лишь не ставшее золотом слово
Серебром уже не разменять.

Светотени, мазки – как отмазки.
В перебежках к добру от добра
Надевай кислородную маску
Счастья, бывшего только вчера.

День ушедший, задернутый шторой,
Отделенный – сплошной и простой –
От сегодняшнего дня, который
Доцветает его красотой.

За окном – тот же близ тополоиный,
На окне – тот же тьоль кружевной,
А закат распустился малиной –
И упал в угасающий зной.

Попрощайся, как будто бы с летом,
С выраженьем чужого лица.
Попрощайся – и можно, на этом
Ставя точку, долечиваться.

Предписание

Отлепить коросту,
Обезболить и вывести яд...
Знаешь, это блокада, но просто
Она новокаиновая.

За все, что у нас осталось,
Мы выпьем не торопясь:
За сеть городских кварталов,
Фонарь, что горит, слепя;

За лунные пятна в лужах,
За свист молодых галчат,
За псов, что кому-то служат,
Ну а на меня – рычат;

Загар, что шматами слезет,
И тени на берегу;
За яростный вкус железа,
Скатившийся каплей с губ;

За слипшиеся ресницы,
Истрепанную тетрадь;
За все, что уже не снится
Примерно с позавчера;

Малиновые рассветы,
Которые ныне где ж?
Я выпью за это лето,
За пепел его надежд.

Разойдутся круги на воде –
Стало быть, на пространстве,
но не на Нашем времени, гнусном
и ненаСытном времени. Где

Наше место – и это решат,
Не останется незаменимых
Здесь – и значит, бывай хранима
Ну хотя бы душа.

Что до времени – видно, оно
Двигается по привычному кругу.
Это только пространство упруго.
Время – то, что дано.

День ослепший, глухой и немой.
Время – то же, что было когда-то.
Время остановилось на дате,
Выбрав тридцать седьмой.

Время пишет чужой приговор,
Протокол своего возвращения.
Значит, тот не узнает прощенья,
Кто не любит его.

... Мы сидим у реки, у ручья
И со дна поднимаем тишу,
Чтобы время хоть раз возвратилось
Не на круги своя.

Что случилось на той стороне
Занебесной реки?
Это слово блуждает и не
Достигает строки.

Это предощущенье полета
Над мостом в тишине.
Это шепот далекий и клежот
Дикой птицы извне.

Это памяти звонкий канкан,
Это вышивка в пальцах.
Это слезы текут по щекам,
Будто время – сквозь пальцы.

Мелодия старого пирса
И птиц невоспитанный гам.
А листья летят, словно письма,
И падают к нашим ногам.

Сквозняк тонкой ивы плакучей
Уже не принять за шатер.
А листья сметаются в кучи
И падают в жаркий костер.

И то, и другое знакомо,
Знакомо поврозь и подряд.
Вот так начинается кома
В последние дни октября,

И так же приходит надежда,
Когда зажигается март:
В предлоге, и в форме падежной,
И в выборе слов для письма.

Ароматы дальних странствий:
То ли кофе, то ли ладан,
То ли роза, то ли персик,
То ли сладкая ваниль –
Различишь ли, разберешь ли?..
Тихо дышит белый ландыш
Возле ветхого забора,
Целый город взбеленив.

Приздумалась старуха
Над раздолбанным корытом:
Этот ландыш сумасшедший.
Он откуда вылез тут?
За забором – сыроварня,
И, хотя она закрыта,
Здесь ведь даже одуванчик
И сурепка не цветут.

Вспышки фотоаппаратов,
Причитания старушек...
Эта радость – как простуда –
Вот весенний рецидив:
Возле ветхого забора,
Неподвижный, как игрушка,
Тихо дышит белый ландыш,
Целый город разбудив.

Светлеет небо, словно акварель
Плывет перед раскрытыми глазами.
Прекрасный сон, что снился в январе,
Внезапно вздрогнул и тихонько замер.

И этот легкий акварельный сон
Свивается, сплетается из звеньев,
Как будто кисть, что держит Пикассо,
На миг выходит из повиновенья.

И этот мир глухих полутонов,
Оттенков серого и голубого,
Дрожит, звенит расстрепанной весной,
Как будто выдыхаемое слово.

Нашей памяти ткань – мешковина,
дерюга, кружево –

Что угодно, бери, как костюм,
себе подбирай...
На перроне стоять и глазами
тебя выуживать –
Я ищу тебя так, как ищут
свой пропуск в рай.

Сколько раз этот поезд терпенье
мое испытывал
Струйкой дыма, как будто
чертимой карандашом.
Не пылинки, а искры летели
из-под копыт его,
Но ни разу еще он вовремя не пришел.

Сколько дней я стоял, свою волю,
как сталь, выковывал.
Фотопленку сетчатки безжалостно
проявлял,
А глаза, недоступно бурливые,
родниковые,
Отражали твои края, но не мой вокзал.

От моих каблучков на земле
оставались рытвины,
А глаза семафорили поезду
сквозь туман...
Ты сегодня, сейчас на платформу
внезапно спрыгнула.
Если б я при уме еще был –
свела б с ума.

Репродуктор горланит. Какой-то
программе с танцами
Не видать ни конца и ни края – то
взят разгон.

Для тебя моя станция –
очередная станция.
Каблучками звеня, ты прыгаешь
в свой вагон.

Тонкий профиль мелькнул где-то там,
в глубине, за шторами.
Этот поезд летит за дождем,
по земле кружа.
Лишь в гортани – слова мои жалкие –
те, которыми
Я пытался хотя б на час тебя удержать.

Ну а поезд гремит, задыхается
и качается,
И вагоны вдали исчезают – неясно где...
Не забудь позвонить и сказать,
что ты очень счастлива –
Где-то там, на краю вселенной,
среди дождей.

Вдохи и выдохи третьего тысячелетья.
Лето не хуже, чем ночь, и не лучше,
чем день.
Выгляни, высунь голову – вот оно,
третье
Фото небес за сегодня – и тысяча дел.

Это не подвиг, а жизнь – поутру,
по изгибам
Улочек узких, ведущих известно куда.
Это не подвиг, а жизнь или,
может быть, гибель.
Это в пути погромыхивают поезда.

Это вороны клокочут: авось
проворонишь
Свой поворот, свою радость,
свои облака...

Это твой бред, твоя боль
и твой личный Воронеж –
Город, где ворон запутался
в ситцевой кроне
Тополя; где твои нервы иду
с молотка...
Утро и небо. Дорога еще далека.